

Просвещение и попечительство

Глубокое расхождение с Иоакимом и возглавляемыми патриархом «мудроборцами» коренилось в европейском образовании Федора Алексеевича. Как и его старший, рано умерший брат Алексей, он, помимо воспитания у обычных учителей, приобрел знание языков и «семи свободных мудростей» у выдающегося славянского просветителя Симеона Полоцкого. Личная библиотека государя (помимо доступной ему библиотеки русских царей) свидетельствует о его тесных связях с лучшими русскими и украинскими писателями-учеными того времени и о хорошем знакомстве с западноевропейской литературой.

Быт государя был заполнен полезными занятиями не менее, чем его рабочие часы. Он много читал, получая дарственные экземпляры на разных языках от авторов и выписывая новые книги. Сам Федор Алексеевич, по словам В.Н. Татищева, «великое искусство в поэзии имел и весьма изрядные вирши складывал»; также и «к пению был великий охотник», имел обширную музыкальную библиотеку, довел до совершенства придворную капеллу и одобрил переход со старых крюковых на европейские линейные ноты.

Любители музыки хорошо знакомы с его песнопением «Достойно есть». Возможно, Федор Алексеевич оставил след и в инструментальной музыке – по крайней мере клавикорды, орган и другие «струменты» были в его комнатах с раннего детства. Станковой живописью придворных художников были увешаны в его царствование чуть ли не все помещения Кремлевского и пригородных дворцов: царь умел ценить и вознаграждать труд мастеров и сам имел дело с красками, заказывал определенные сюжеты и композиции.

Сильвестр Медведев пишет и многочисленные упоминания в документах подтверждают, что царь проявлял глубокий интерес к работе мастеров Оружейной и мастерских палат в самых различных областях ремесленного «художества».

Показателем уровня его занятий науками и искусствами служит знаменитое «Учение историческое»: выраженное в форме указа Федора Алексеевича изложение основных принципов создания совершенно необходимого, по его мнению, печатного курса русской истории. «Учение», опираясь на античную традицию (со ссылками на Геродота, Фукидида, Платона, Дионисия Геликарнасского, Полибия, Цицерона, Тацита и др.), утверждает определяющее значение исторических знаний для общества в целом и развития всех наук, вплоть до богословия: «во всех делах, искусствах и учениях свободных, в которых история молчит, великое неисправление видится и несовершенство».

Критическая, правдивая история России, гласит «Учение», необходима «ко всенародной пользе» россиян и народов всего мира; она должна быть создана на самом современном методическом и историософском уровне. Изложивший пожелания Федора Алексеевича автор «Учения» заметил, что эти указания – лишь часть общего стремления государя народ свой «приукрасити всякими добродетельми, и учениями, и искусствами, прославити не токмо нынешние российские народы, но и прежде бывших славных предков своих».

Просвещение, университетское (или, как тогда говорили, академическое) образование понималось Федором Алексеевичем как важнейшая государственная потребность, однако, в отличие от Петра, он считал необходимым опираться прежде всего на национальные научные кадры. В 1677 году, лично переговорив с вернувшимся из негласной ссылки лучшим учеником Симеона Полоцкого Сильвестром Медведевым, государь убедился, что нашел себе необходимого помощника.

При содействии царя Медведев стал вторым, после Полоцкого, лицом в Заиконоспасском монастыре, справщиком Печатного двора и руководителем новосозданной Федором Алексеевичем светской бесцензурной Верхней типографии, имевшей всего вдвое меньшую, но более современную, чем Печатный двор, полиграфическую базу. Светские книги Верхней типографии были прокляты патриархом Иоахимом, а в 1679 году борьба просветителей и «мудроборцев» обострилась до предела: в России и за границей прошел слух о твердом намерении царя открыть в Москве университет.

Консерваторы, при поддержке московского и иерусалимского патриархов, немедленно призвали уничтожить в России все книги на латыни – языке европейской науки, чтобы «пламень западного зломысленного мудрования» не спалил исконное благочестие. В крайнем случае они допускали духовное обучение по-гречески. В противовес открытой Медведевым на средства государя Славяно-латинской гимназии они завели Типографскую славяно-греческую школу, призванную оградить любознательных от светской науки. Однако царь не внял убеждениям духовенства и утвердил в начале 1682 года «Привилей Московской Академии».

Документ подчеркивал, что забота о просвещении – одна из главных обязанностей государя, именно науками «вся царствия благочинное расположение, правосудства управление, и твердое защищение, и великое распространение приобретают!». Руководствуясь идеей «общей пользы», Федор Алексеевич утверждал учреждение Академии для изучения всех гражданских и духовных наук: от грамматики, поэтики и риторики до диалектики, логики, метафизики, этики, богословия, юриспруденции «и прочих всех свободных наук», принятых в университетах, на русском, латинском и греческом языках.

Академия должна была управляться советом преподавателей во главе с «блюстителем», иметь финансовую и юридическую автономию (даже по обвинению в убийстве студента нельзя было арестовать без санкции блюстителя). К ней приписывались доходы с дворцовых земель, ей передавалась бесценная царская библиотека. В студенты допускались представители всех сословий, бедные получали стипендии и освобождались от преследования за долги родителей.

Главное же – выпускники Академии получали преимущественное право (наряду с представителями знатнейших родов и лиц, совершивших выдающиеся подвиги) на занятие высоких государственных должностей в зависимости от успехов в учебе: царь обещал каждому «приличные чины их разуму».

Одновременно государь озаботился развитием прикладных наук, техники и ремесел, сознательно стремясь преодолеть техническое отставание страны от промышленно развитых стран. Во избежание ненужной борьбы с косностью старшего поколения царь приказал собирать в казенные приюты детей-сирот и детей убогих родителей (нищих, калек, престарелых, преступников). В зависимости от способностей их следовало учить либо математике, «фортификации или инженерной науке», архитектуре, живописи, геометрии, артиллерии, либо – делу шелковому, суконному, золотому и серебряному, часовому, токарному, костяному, кузнечному, оружейному.

Таким образом, вместо будущих тунеядцев страна получала бы солидных, зажиточных граждан, не тратилась бы на приглашение иноземных специалистов (из которых «многие в тех науках не совершенны») и постепенно вместо ввоза товаров перешла бы к экспорту собственных изделий: «и так бы богатства множились». Забота о богатстве подданных, столь ярко проявившаяся в фискальной политике Федора Алексеевича, подтверждается его мерами по защите и упорядочению русской торговли и промышленности, включая поиск полезных ископаемых, совещаниями с купечеством о заграничной торговле и т. п. деяниями.

Поддерживая производителей товаров, государство должно было заботиться об инвалидах войны и вообще обо всех «бедных, увечных и старых людях, которые никакой работы работать не могут... приюту себе не имеют, – и должно по смерти их кормить». Указ о сиротах содержал конкретные распоряжения о строительстве богаделен в Знаменском монастыре в Китай-городе и на Гранатном дворе за Никитскими воротами, рассчитанных на тысячи человек и под присмотром Аптекарского приказа!

Указ разъяснял, что царь рассчитывает устроить таким образом всех нетрудоспособных в стране – а значит, очистить улицы от заразы и воров, которые не смогут более скрываться в обликах нищих. Первые богадельни он строил на свои средства, но призывал всех граждан

жертвовать на общепольное дело. Он выносил этот вопрос и на совещание с духовенством, но был встречен холодно.

Принятие такого указа было бы нелепым, если бы предварительно в 1679-м и 1680 годах Федор Алексеевич не отменил членовредительные казни (отсечение ног, рук, пальцев): отныне виновные ссылались в Сибирь с семьями, причем дети старше трех лет могли не ехать в ссылку.